

УДК 930

Телицын В.Л.*(г. Москва)*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ДЕКАБРИСТОВ

Аннотация. Представленная статья посвящена анализу обобщений и выводов декабристов по важнейшим вопросам российской истории: происхождение государства, власть и народ, просвещение, роль дворянства, принципы самодержавия, перспективы существования крепостного права и другие. Обосновывается существование у декабристов оригинальной системы взглядов на прошлое страны, в которой многое определялось особенностями ментальности и «азиатским способом управления» государством.

Ключевые слова: общественное движение начала XIX столетия, декабристы, взгляды на историческую эволюцию российского государства, историография XIX в.

V. Telitsyn*(Moscow)*

HISTORICAL VIEWS OF DECEMBRISTS

Abstract. The article is devoted to the analysis of Decembrists' generalizations and conclusions on the most important questions of the Russian history: origin of the state, power and people, education, the role of nobility, principles of autocracy, prospects of serfdom functioning, and others. The author gives grounds for the existence of Decembrists' original edifice on the country's past where a lot of things were defined by the peculiarities of mentality and "Asian way of management".

Key words: social movement of the beginning of the XIX century, Decembrists, views on historical evolution of the Russian state, historiography of the XIXth century.

Исторические взгляды декабристов органически связаны со всеми другими элементами их мировоззрения, прежде всего с их политическими и социально-экономическими убеждениями. Скажем сразу, единства в суждениях у представителей декабрьского выступления 1825 г. не было (и до, и после того трагического дня). Практически каждый имел своё видение истории России. И это не случайно, так как образование давало возможность декабристам достаточно оригинально высказываться об отечественной истории.

Многие декабристы в построении и отстаивании своей концепции истории России прямо отталкивались от результатов антинаполеоновских войн 1805–1814 гг. Произшедшие после этих войн события – ре-

волюции в Испании, Италии, Греции – возбуждали интерес к истории, к историческим параллелям, актуальности различных аспектов истории государственной жизни. Не оставался в стороне и факт известного духовного раскрепощения представителей различных слоёв российского общества, в первую очередь, тех, кто участвовал в Отечественной войне 1812 г.

Исторические взгляды декабристов, как и остальные элементы их идеологии, явилась развитием новиковско-радищевской традиции. Положения Радищева о том, что человек есть категория социальная – «человек рождён для общежития», что функцией власти должно быть исполнение воли народа, что в современном обществе «естественное право» может быть восстановлено лишь в результате революции – были поддержаны декабристами изначально и положены в основу своего видения истории и современного им общества. Получив прекрасное образование и впитав идеи западных просветителей, декабристы не могли по-другому отреагировать на концепцию Радищева, на его размышления о роли и месте индивидуума в обществе и государстве.

Но декабристы искали в истории то, чего не был в состоянии дать им не только диссидент Радищев, но и «сухая» академическая наука – столкновение интересов социальных групп как закономерности исторического процесса. Конечно, подобный подход для первой четверти XIX столетия – скорее теория, чем практика. Это понимали и сами декабристы, создававшие многочисленные «тайные общества».

В своих воззрениях на историю декабристы дискутировали и с историческими взглядами Н.М. Карамзина, считавшимся едва ли не единственным российским историографом того времени.

М.П. Погодин писал: «Гвардейская молодежь, приготовлявшаяся к 14 декабря 1825 года, была против Истории Карамзина, не находя в ней подтверждения своим теориям и утопиям» [12, с. 198]. И Погодин был прав. Удивительно то, что он, по сути, ставил знак равенства между «теориями и утопиями». Декабристы не задавались подобной целью, как, впрочем, и не стремились развести эти две диаметрально противоположности. Выступая с положениями, опровергавшими историческую концепцию Карамзина, они вырабатывали собственные парадигмы исторических аспектов эволюции России.

Несогласие с историческими воззрениями Карамзина выразил Никита Михайлович Муравьёв в своей заметке «Мысли об истории государства Российского» (1818–1819 гг.).

Против основного тезиса Карамзина, что «история народа принадлежит царю», Н.М. Муравьёв выдвигал радикальный антитезис: «исто-

рия принадлежит народам»; Карамзин призывал к примирению с властью и проповедовал гражданский мир, Муравьев утверждал, что «не мир, но брань вечная должна существовать между злом и благом» [9, с. 585], что «в нравственном, равно как и в физическом мире, согласие целого основано на борении частей» [9, с. 584].

С точки зрения Муравьева, «азиатский деспотизм», а такова форма правления в России, установившаяся, по его мнению, столетия тому назад, не может осуществить благополучия на земле. Деспотизм есть насилие, а «насильственные средства и беззаконны и губительны» [9, с. 584].

«Естественный ход вещей» – так формулирует Муравьев идею закономерности исторического процесса – ограничивает волю людей: «Тогда даже, когда мы воображаем, что действуем по собственному произволу, и тогда мы повинемся прошедшему – дополняем то, что сделано, делаем то, чего требует от нас общее мнение... идём, куда влекут нас происшествия». Движущей силой истории, по мнению Муравьева, являются «новые понятия, новые мысли», «общее мнение» [9, с. 584].

Но реальной силой, изменяющей ход истории, они становятся лишь тогда, когда «распространяются и производят долговременные волнения, за которыми следует новый порядок вещей, новая нравственная система» [7, с. 223].

Муравьев писал, что человеческая природа не исправляется декретированием сверху, что в истории, как и в современной жизни, добрая воля правителя – ничто, зло не в отсутствии её, а в социально-политическом строе государства [10, с. 218–232].

Не соглашался с концепцией Карамзина и еще один декабрист, Николай Иванович Тургенев (1789–1871). В 1818 г. он писал: «История народа принадлежит народу – и никому более! Смешно дарить ею царей» [1, с. 115]. Тургенев открыто обвинял Карамзина в стремлении «скрыть и рабство подданных и укореняющийся деспотизм» [1, с. 123]. Николай Иванович так обращался к своим слушателям и читателям: «В стране, где писатели и читатели дворяне, и, следовательно, рабовладельцы, ибо народ совсем не читает, как же ожидать от историка, чтобы он сказал правду о рабстве?» [3, с. 106]. Но вспомним, что Тургенев был и оставался до конца своих дней противником императора Николая I, и даже после прихода на российский трон Александра II он очень скептически относился к возможности эволюционного развития преобразований в России.

Ещё один декабрист, Михаил Александрович Фонвизин (1788–1854) в своём «Обзрении проявлений политической жизни в России» писал о том, что «наши историки, особенно Карамзин», мало или вовсе

не говорят о политической свободе в древней Руси, а стараются «выставлять превосходство самодержавия» [14, с. 101].

По мысли известного «заговорщика» Михаила Сергеевича Лунина (1787–1845), в истории России «корнем зла было самодержавие», так как оно противоречит законам природы, ограничивает возможности человека и законы религии, требующие признания неограниченной воли только Бога.

Декабрист Николай Александрович Бестужев (1791–1855) заявлял: «До сих пор история писала только о царях и героях... о народе, его нуждах, о его щасти или бедствиях, мы ничего не ведали» [2, с. 93]. Здесь сказывалось также влияние на мировоззрение декабристов идей западноевропейского просвещения. Однако и Н.А. Бестужев, и М.С. Лунин всё же субъективны в своих оценках исторических писаний, даже Карамзин не акцентировал своё внимание сугубо на царском троне, его интересовал гораздо больший круг вопросов российского прошлого.

Полемика с Карамзиным дала возможность декабристам высказать несколько положений, относящихся к теории исторического процесса. Эти положения составляют важную часть их общей исторической концепции.

Поэт и декабрист Кондратий Фёдорович Рылеев (1795–1826) считал важными, не зависящие от воли и сознания людей законы, движущие историю той или иной страны, того или иного общества. Воля отдельного человека на судьбы человечества не оказывает никакого влияния – вот исходная точка исторического (даже более глобально – социального) мировоззрения Рылеева. Законы, управляющие жизнью людей, он характеризовал «промыслом», не вкладывая в это понятие религиозно-мистического смысла: Рылеев представлял прошлое не как цепь случайных явлений, а как закономерное явление [13, с. 417–418].

Но насколько можно считать эти законы объективными, а насколько – субъективными? Рылеев не давал ответа на этот вопрос, правильнее сказать – он даже его не ставил.

Павел Иванович Пестель (1793–1826) и Пётр Григорьевич Каховский (1797–1826) стремились установить закономерность исторических явлений. П.И. Пестель размышлял о том, что «главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между массами народными и аристократиями всякого рода» [4, с. 91].

О главном содержании истории говорил П.Г. Каховский: «Народы, почувствовав сладость просвещения и свободы, стремятся к ним; правительства же, ограждённые миллионами штыков, силятся оттолкнуть народы во тьму невежества» [6, с. 2]. Каховский выводил подобное по-

ложение из истории Франции конца XVIII – начала XIX столетий. Однако ни он, ни Пестель не проводили (сознательно) параллели между тем, что происходило во Франции во времена Великой революции и в последующем, когда власть оказалась в руках Наполеона. То, что здесь превалировал фактор сознательности, говорит и тяга самого Пестеля к диктаторству как неизбежности возможного переустройства государства.

Понимание невозможности примирения различных общественных слоёв высказывал упомянутый уже Бестужев в своём исследовании «О свободе торговли»: «до сих пор... наружный блеск дворов мы принимали за истинное счастье государств, обширность торговли, богатство купечества и банков за благосостояние целого народа» [2, с. 93].

Конечно, к классовому противостоянию декабристы прийти не могли, но их идеи развивались как раз в направлении признания радикализации общественных взаимоотношений, вызванной огромным разрывом в материальном благосостоянии различных социальных слоёв. И разрыв этот имел свои исторические корни: он вырос из всей российской истории, из истории российского крестьянства, истории российского дворянства. Эти позиции отстаивались декабристами жёстко и без каких-либо компромиссов.

Декабристы, выступая с критикой положений дворянской историографии, изображавшей исторический процесс как смену монархов, не могли, естественно, не задуматься о роли народных масс в истории.

М.С. Лунин в «Розыске историческом» отмечал, что русский народ вначале не сопротивлялся и татарскому владычеству, однако мера бедствий переполнилась, и народу принадлежит заслуга освобождения Руси от ордынского ига: «Крайность бед, достигнув высшей степени, пробудила дух народный, без которого не совершается коренных переворотов» [5, с. 79].

Очень важным для декабристов оставался вопрос о происхождении тайных обществ. Им занимались Лунин, Муравьев, Фонвизин. Последний рассуждает об этом в своём опровержении трудов французских историков Энно и Шеншо, авторов пятитомной «Истории России», написанной на основе двух источников: «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и «Истории России» французского историка и мыслителя П. Левека. Оба источника для декабристов были неприемлемыми, но и Карамзин, и Левек считались мэтрами исторической мысли, и очень немногие находили в себе желание и силы их критиковать. Декабристы же в большинстве своём отличались радикализмом взглядов на прошлое и настоящее России, а потому без каких-либо оговорок подвергли критике этих двух столпов мысли.

Фонвизин задался целью доказать «проявление политической жизни в России». По его мнению, политическая деятельность являла собой бесспорный элемент истории России, начиная с древних времён, и игнорировать её – значит фальсифицировать прошлое России [14, с. 200]. Однако политическая деятельность в различные периоды истории России – совершенно отличные друг от друга процессы (сложно сравнить «политическую борьбу, например, в Киевской Руси и во времена так называемых «дворцовых переворотов»). Фонвизин это понимал, но отмечал, что при всей разности политического противостояния (хронологическое отличие), основа этой борьбы остаётся единой как для времен Ярослава Мудрого, так и Елизаветы Петровны. Это исключительно борьба за власть и ничего иного.

Лунин поставил вопрос о связи возникновения декабристских организаций с предшествующей историей России: «Надлежит сознаться, что тайный союз не отдельное явление и не новое для России. Он связуется с политическими сообществами, которые одно за другим, в продолжение более века, возникали с тем, чтобы изменить формы самодержавия: он отличается от своих предшественников только большим развитием конституционных начал» [8, с. III–IV].

Иными словами, декабристские тайные общества – «историческая традиция» России. Декабристы, таким образом, выступали не только как исследователи истории, но и люди, сами делающие эту историю. И в этом для декабристов заключалась актуальность занятия историей. Правда, М.С. Лунин всегда оставался достаточно радикальным в своих взглядах на прошлое и настоящее России. Но он и в чём-то оставался прав: тайные союзы заговорщиков – неотъемлемая черта всей истории российского государства.

Муравьёв отмечает те явления и события в истории России, с которыми, по его мнению, декабристские тайные общества «находились в преемственной связи»: вече, Новгородская и Псковская республики, земские соборы XVI – XVII столетий, боярская дума, деятельность российских просветителей Н.И. Новикова, А.Н. Радищева, Я.Б. Княжнина, проекты государственного деятеля Н.И. Панина и драматурга Д.И. Фонвизина. «Из сего следует, что все люди, отличные в России, видели и чувствовали несовершенство существующего порядка и стремились во все времена явно или скрытно к достижению цели тайного союза» [8, с. XIV, XXI].

Заявление очень громкое, но слышали ли его российские дворяне?

Для характеристики исторических взглядов декабристов значение имеют мысли П.И. Пестеля о централизованном государстве и о на-

циональном вопросе. В числе аргументов в пользу централизованного государственного строя он ссылался на особенности истории России, которая в период раздробленности перестала сомневаться в преимуществах централизованного государства перед федеративным» [11, с. 26].

Не случайно Пестель считался среди декабристов очень жёстким государственным, сторонником патерналистской парадигмы развития российского общества (в случае победы «заговорщиков»).

Рассматривал Пестель и национальный вопрос. Отрицание государством права некоторых народов на независимое политическое существование он обосновывал следующим положением: так как украинские и белорусские губернии в старину были «колыбелью Российского государства», население их следует «истинными россиянами почитать и от сих последних никакими особыми названиями не отделять» [11, с. 40].

Отводя рассмотрению положения других нерусских народностей, живущих на территории России, почти всю вторую главу «Русской Правды», Пестель делает вывод о необходимости «слить» всех жителей России в один народ с одинаковыми законами и образом управления.

Повторим, планы эти – результат знакомства Пестеля с трудами западноевропейских мыслителей.

Единство исторических взглядов и политического мировоззрения декабристов дало им возможность создать в русской историографии свою историческую концепцию, наполнив теорию исторического процесса радикальным содержанием и расширив круг вопросов, подлежащих историческому исследованию.

Литература:

1. Архив братьев Тургеневых: в 7 вып. – Вып. 5. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816–1824 годы. – Пг.: Отделение русского языка и словесности Академии наук, 1921. – 528 с.
2. *Бестужев Н.А.* Статьи и письма. – М.-Л.: Издательство политкаторжан, 1933. – 326 с.
3. Библиотека декабристов. – Кн. 1. – СПб.: Издательство «Библиотека декабристов», 1908. – 166 с.
4. Восстание декабристов. Материалы. – Т. 4. Следственные дела о преступниках, принадлежащих Южному тайному обществу. – М.-Л.: Госполитиздат, 1927. – 486 с.
5. Декабрист М.С. Лунин. Сочинения и письма. – Пг.: Тип. Коминтерна, 1923. – 152 с.
6. Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства. – СПб.: М.В. Пирожков, 1906. – 196 с.

7. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. – Т. 20. – М.: Политиздат, 1973. – 398 с.

8. *Лунин М.С.* Разбор донесения тайной следственной комиссии в 1826 г. Никиты Муравьева [Отгиск] – СПб.: Издательство «Библиотека декабристов», 1907. – 143 с.

9. *Муравьев Н.М.* Мысли об истории государства Российского Н.М. Карамзина // Литературное наследство. – Т. 59. – Ч. 1. – М.: Академия наук СССР, 1954. – С. 569–598.

10. *Муравьев Н.* Рассуждение о жизнеописаниях Суворова // Сын отечества. – СПб., 1816. – № VI. – С. 218–232.

11. *Пестель П.И.* Русская Правда. Наказ Временному верховному правлению. – СПб.: Культура, 1906. – 245 с.

12. *Погодин М.* Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: материалы для биографии с примечаниями и объяснениями. – Ч. II. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1866. – 506 с.

13. *Рылеев К.Ф.* Полное собрание сочинений. – М.-Л.: Academia, 1934. – 908 с.

14. *Фонвизин М.А.* Обзорение проявлений политической жизни в России // Общественные движения в России в первую половину XIX века. – Т.1. Декабристы: М.А. фон-Визин, кн. Е.П. Оболенский и бар. В.И. Штейнгель: Статьи и материалы. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1905. – С. 182–205.